

Светлана ЗОРИНА КРИМИНАЛЬНЫЙ КИЕВ

некриминальным
взглядом

DIGITALLY REMASTERED
ЦИФРОВОЕ ПЕРЕИЗДАНИЕ

СВОБОДА

Старшие офицеры милиции обвиняют
в... похищениях людей и уб

Светлана Зорина
Криминальный Киев.
Некриминальным взглядом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21160963

ISBN 9785448317347

Аннотация

«Криминальный Киев» – первая публицистическая книга Светланы Зориной, в которой автор анализирует реальные факты из жизни лидеров криминального движения города Киева в период с 1989 по 2002 год. Автор проливает свет на жестокий криминальный мир Киева, смело говорит о бандах, главарях криминальных группировок, о криминальных авторитетах, называет реальные факты, даты, имена. Книга написана предельно смело и откровенно.

Содержание

Предисловие к цифровому переизданию	5
От автора	7
Вместо вступления. «Под кем работаете?»	14
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Криминальный Киев

Некриминальным взглядом

Светлана Зорина

© Светлана Зорина, 2016

© Валерий Индык, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-1734-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие к цифровому переизданию

Уважаемый читатель!

В 1997 году 1 апреля сотрудники Службы безопасности Украины совершили захват моей очень небольшой по объемам и размерам фирмы, которую несколько человек создавало с полного нуля. Все, что со мной происходило, с сотрудниками, все бандитские методы отечественных правоохранительных органов я постаралась описать в художественном романе «Наезд».

Но материала для раздумья оказалось намного больше и через несколько лет я написала «Криминальный Киев...». «Криминальный Киев...» – это документальная книга о создании и сращивании криминальных группировок Киева с правоохранительными органами, парламентом, властью. Мне казалось, что это время не повторится. Нельзя не сделать выводов из горьких уроков прошлого. Но нет. Все повторяется, но в ещё более страшных и тяжелых картинах.

Мало кто задумывается о том, что разборки между бандитскими группировками в 90-х унесли намного больше жизней, чем война в Афганистане.

И сегодня реформа полиции, создание добровольческих батальонов, живущих по собственному уставу, неконтроли-

руемый рынок оружия приводят к созданию нового «Криминального Киева», который использует и усовершенствует старые методы убийства и обогащения.

Только волна криминала 2016 будет страшнее по своим масштабам и унесёт намного больше жизней.

А ведь всего этого можно было бы избежать...

Светлана Зорина

2016

От автора

Спасибо большое сотрудникам правоохранительных органов, которые помогли мне в написании книги «КРИМИНАЛЬНЫЙ КИЕВ некриминальным взглядом». Они настоящие профессионалы, для которых человеческая жизнь важнее политических игр и чести мундира. Автор выражает также признательность тем из криминальных авторитетов, кто смог поделиться частью своих размышлений о жизни.

Уважаемый читатель, прежде чем вы начнете читать эту книгу – и, надеюсь, прочтете до последней страницы, – вам, наверное, интересно будет узнать о мотивах ее написания и о том, какой именно криминальный мир исследует автор.

Не буду долго пытаться вас неизвестностью.

Сразу после защиты кандидатской диссертации в 1992 году, несмотря на наличие красного диплома экономического факультета университета и звания кандидата экономических наук, я сразу же занялась торговым бизнесом. В его самом простом исполнении: закупается товар за рубежом, ввозится в Украину и продается в розничную и оптовую сеть.

За мной, как и за многими другими, закрепилось слово «предприниматель», что в постсоветском обществе начала 90-х означало почти то же самое, что и слово «преступник».

А как же иначе, ведь еще действовал Уголовный кодекс бывшего СССР и статьи по спекуляции, по валютным операциям не были отменены. Представитель проверяющих органов мог посадить в начале 90-х любого и отправить за решетку за пару сотенных долларовых купюр, найденных при обыске. И был с точки зрения закона абсолютно прав. Руководители молодой страны под названием Украина явно не торопились с выбором стратегии ее экономического развития. А пока они дискутировали по поводу других, не менее важных государственных проблем, реальная экономика ушла далеко вперед, и писанные законы уже не регулировали ее развития.

Предпринимателей почти каждый день упрекали в разрывании страны и связях с преступным миром, который для меня представлялся в то время одной картинкой – казино, спертый воздух в тесном зале, столбы дыма, играющие в азартные игры пьяные люди.

На одном из допросов в правоохранительных органах в 1997 году, кроме обычных вопросов, касающихся уголовного дела, возбужденного по статье 70 УК Украины «Контрабанда» (она пользуется особой популярностью в СБУ, так как ее трактовка правоохранительными органами достаточно часто служит для злоупотребления и обогащения тех, кто призван бороться с контрабандой), следователь спросил меня:

– С кем вы работаете?

Я промолчала, потому что не поняла сути вопроса. Все

мои контракты с поставщиками были исправно изъяты в ходе первого же обыска.

– Ну к кому вы обращаетесь, когда вам не возвращают долги или угоняют машину? – продолжал интересоваться следователь, уже попривыкший к моей личности за три месяца допросов.

– А к кому надо обращаться? – Я наконец поняла, к чему он клонит, но все-таки хотелось убедиться в правильности хода своих мыслей.

Возможно, моя тупость ему изрядно надоела, и представитель правоохранительных органов решил открыть карты:

– Ну как – к кому? Такие, как вы, обращаются к Солохе, Киселю, Москве, Черепу. Что, не обращались?

– Нет, – честно ответила я.

– А как же вы тогда работаете? – искренне удивился следователь. – У бизнеса всегда есть связи с преступным миром, – безапелляционно произнес он.

Если проанализировать этот в общем-то обычный на первый взгляд вопрос с учетом того, что он прозвучал из уст сотрудника правоохранительных органов, то можно измерить степень криминализации сознания граждан нашего общества. Меня заинтересовали криминализация как процесс, поглощающий в своем развитии разные уровни нашего общества, и причины ее возникновения.

Мир всегда будет состоять из хорошего и плохого, светлого и темного, так что полностью победить преступность

никогда не удастся, наверное, ни одному обществу, ни одному государству. Когда-то один из известнейших социалистов-утопистов потратил немалую сумму, чтобы создать идеальную общину из хороших и порядочных людей. Этот эксперимент вскоре провалился, оставив горький след в душе философа. Самые лучшие люди не смогли ужиться и очень скоро предпочли не мириться с недостатками других, а доказывать свою правоту кулаками и гирляндами оскорблений. Так что определенное количество преступников, совершающих преступления, даже убийства на разной почве, в том числе психической, будет всегда. Ну, а у нас-то их сейчас вообще сверх всякой меры.

Книга, которую вы держите в руках, не исследует мотивы их поведения и не описывает душераздирающие истории (хотя без упоминания жестоких убийств обойтись не удалось). В «Криминальном Киеве» я ставила перед собой задачу более сложную: автора интересовал процесс криминализации общества и власти и то, к каким последствиям он приводит.

Криминализация власти начинается с ее узурпации и продолжается бесконтрольным ее использованием в личных интересах с целью собственного обогащения и обогащения группы приближенных.

Криминализация власти приводит к тому, что на различных общественных уровнях появляются криминальные лидеры, контролирующие территории, фирмы, банки, целые

отрасли. Вне зависимости от прошлого криминального лидера (он может быть уголовным преступником или государственным чиновником) природа его появления и основные методы деятельности очень схожи.

Другими словами, меня интересовал вопрос, на который сложно ответить: кто нанес больший ущерб Украине – Игорь Князев (Князь) или Павел Иванович Лазаренко? Почему Игорь Ткаченко (Череп) имел два срока отсидки по незначительным пустяковым статьям, а, к примеру, тот же Лазаренко чувствовал себя очень даже свободно на украинских просторах? Хотя долго муссировались слухи об убийствах, заказанных этим важным государственным деятелем.

Я пыталась точно, как на аптечных весах, взвешивать поступки различных политических лидеров, часто мелькающих на экранах телевизоров. Но меня интересовали и криминальные лидеры, чьи прозвища были столь популярны в Киеве все последнее десятилетие. Так я начала собирать материал о тех, чьи имена чаще всего встречаются при упоминании понятия «криминальный мир».

По мере сбора и анализа материала у меня начал отрабатываться свой взгляд на то, что мы называем криминальным миром. И при более детальном исследовании криминализации как общественного процесса я выделила следующие его этапы, или стадии.

Этап 1. Формирование организованных криминальных структур, специализирующихся на общеуголовных преступ-

лениях. Он имел место в Украине до 1985 года. Эти группировки действовали на принципах воровского закона, который сам по себе жестче, чем УК. Они существуют и поныне и будут существовать долго, но формы пополнения уголовной среды и принципы их деятельности изменились.

Этап 2. Формирование организованных криминальных структур, специализирующихся в основном на экономических правонарушениях – рэкет, получение долгов, экономические «кидки» (этот список можно продолжать достаточно долго). Основная питательная среда таких криминальных структур – процесс криминализации экономики, формирование теневого рынка. В Украине он начался с 1987 года.

Этап 3. Криминализация правоохранительных органов. Она незамедлительно началась после того, как процесс коррупции и криминализации в государственном управлении приобрел внушительные размеры, а именно с 1995 года.

Этап 4. Криминализация государственного аппарата. Она началась сразу же после провозглашения независимости Украины, но процесс узурпации власти ради личного обогащения приобрел внушительные масштабы в 1995—1996 годах.

Этап 5. Криминализация общественного сознания. Этот этап начался в Украине с 1999 года.

С предложенной мной периодизацией можно спорить, но для меня куда важнее донести до понимания читателя: каждый упомянутый этап криминализации не сменяет

предыдущий, а, наоборот, происходит их наложение один на другой.

Необходимо отметить, что наше дозревание до пятой стадии криминализации имеет одну положительную сторону – дальше двигаться некуда. Однако есть и очень отрицательная сторона – повышение степени криминализации приводит к нестабильности основных политических и экономических явлений в стране. И неосторожные решения на высшем государственном уровне могут привести нас снова к тоталитаризму, распределению, идеологической скудости и материальной нищете.

При написании книги у автора не было желания обличить кого-то в неверных действиях, повесить новые ярлыки. Я стремилась понять суть происходящих процессов, по-иному взглянуть на привычный термин «криминальный лидер» и донести до читателя это свое понимание.

Раньше все мы жили в привычной системе координат, заданной государственной идеологией, и могли с уверенностью сказать, что хорошо и что плохо. Могли даже сказать, почему это вот хорошо, а это вот плохо. Но время идет, и система координат уже практически не работает. Нужна другая.

Вместо вступления. «Под кем работаете?»

Когда я мысленным взглядом обращаюсь в середину 80-х годов теперь уже прошлого XX века, из запасников памяти непременно всплывает удручающий образ длинной очереди, в которой терпеливо стоят усталые люди. Они молчат, лишь порой услышишь спор по формуле «вас здесь не стояло». Уверена, что этот образ преследует не только меня, потому что очередь была неотъемлемой чертой советского образа жизни. Люди выстаивали очереди за едой и ширпотребом, за билетами на поезда и самолеты, в кассах кинотеатров, в гостиницах – в надежде получить хоть какое-то место. Были и такие очереди, в которых не «стояли», в них «записывались» и «отмечались». А как еще рядовой гражданин страны развитого социализма мог добыть стиральную машину, холодильник или комплект кухонной мебели?

Слово «дефицит» прочно вошло во все сто с лишним языков народов и народностей СССР. Его отлично дополняли ставшие привычными понятия «из-под полы», «из-под прилавка» и «достать», успешно вытесняющие «купить».

Меня еще ребенком поражало: вот заходим мы с бабушкой в магазин с полупустыми прилавками, а выходим с кошелкой, груженной всякими вкусными вещами. Прямо-таки

кошелка-самобранка получалась у бабушки!

Впрочем, для того, чтобы носить дефицитные вещи и есть дефицитные продукты, был и другой способ: суметь подняться по номенклатурной лестнице повыше. Такому умельцу щедрая рука власти и купоны на приобретение гречневой крупы и туалетной бумаги выдаст, и в очередях на получение квартиры и установку телефона продвинет. Да и саму «лестницу» надо выбирать с умом. Одно дело сотрудники НИИ из военно-промышленного комплекса и совсем другое, скажем, археологи из академического института. Последние – люди закаленные, привычные к работе «в поле», и без туалетной бумаги обойдутся.

Однако «свято место не бывает пусто», и, судя по рассказам, в середине 70-х годов в стране проявились первые признаки теневого рынка, еще неоперившегося и пугливого, как весенний ландыш. Проявлялся он в двух ипостасях – спекуляции остродефицитным товаром и зарождавшейся фарцовке. И то и другое преследовалось по всей строгости закона наравне с политическими преступлениями. А как же иначе, это ведь проявления буржуазного образа жизни, с незаконной же буржуазией у буржуазии номенклатурной разговор был короткий. В том случае, конечно, если «застукают», поймают, но переловить всех нарушителей оказалось просто невозможным.

Страх перед сталинскими репрессиями был в прошлом, и злоупотребление служебным положением на рабочих ме-

стах, начиная от продавца магазина до директора завода, стало обычным явлением.

Но в один прекрасный момент крупнейшее тоталитарное государство, прогнившее изнутри, словно по мановению волшебной палочки, обвалилось. Мне этот процесс представляется так: с горы катится большущий камень, сметая все на своем пути и постепенно раскалываясь на пятнадцать кусков. В тот год изменились все наши представления – и о рыночной экономике, и о роли денег в обществе, и о безошибочности курса Коммунистической партии как решающей и направляющей силе социалистического общества, и о распределении и перераспределении материальных благ, и о религии, и о сексе. Начало меняться и понимание преступного мира и его роли в нашей жизни.

Как нам представлялись персонажи криминального мира в социалистический период? Квартирные воры с бегающими глазками, которые вздрагивают от каждого неожиданно-го звука; «щипачи» в транспорте, вытаскивающие кошельки и бумажники у рассеянных пассажиров; маньяки-убийцы, подстерегающие свои жертвы в безлюдных местах.

Все они в нашем сознании рисовались темными и неумными типами со злыми и одновременно раскаивающимися глазами. Мы были уверены, что все преступления рано или поздно раскрываются силами доблестных работников нашей милиции. Нам очень редко бывало жаль тех, кто совершал преступления, мы с нетерпением ждали, когда справедли-

вость восторжествует и заслуженная кара падет на головы преступников.

Уголовный кодекс бывшего СССР содержал множество подсудных статей, но я бы их разделила на три части:

политические статьи (агитация и пропаганда против государственного и общественного устройства СССР);

чисто криминальные статьи (грабеж, убийство, изнасилование, хулиганство и т. д.);

криминальные статьи с экономическим уклоном (валютные операции, хищения, спекуляция).

Советским криминальным миром тоже был выработан общий свод правил «жизни по понятиям», которым руководствовались профессиональные преступники, – Воровской закон. Согласно принятой в нем иерархии в криминальном мире правили воры в законе. Можно провести параллель между этим определением и понятием «крестный отец» в итальянской и американской мафиях.

Вор в законе – это, как правило, неоднократно сидевший преступник, которого коронуют другие воры в законе. При этом учитываются его моральные качества, профессионализм в совершении преступных деяний, умение разбираться в ситуациях и выносить решения по любым конфликтам между субъектами криминального мира.

Воровской закон включает большой свод правил, полностью регулирующих криминальный мир. Чтобы дать читателю представление об этих правилах, приведу некоторые

из них в собственном изложении.

Вор в законе не смеет ни на шаг отступить от своей «профессиональной» стези; он должен не только контролировать процесс совершения преступления, но и быть вовлеченным в него; другими словами: ты вор до тех пор, пока реально подтверждаешь себя в деле.

Вор в законе не должен иметь никакого отношения к вооруженным силам и правоохранительным органам.

Вор в законе должен на зоне сидеть вместе со всеми, а не искать местечек потеплее (имеется в виду работа, скажем, в библиотеке или на кухне).

Придерживающийся воровских традиций никогда не будет угрожать другому вору, нападать на него и воровать у его семьи.

Этот список можно продолжать и продолжать. Но главное – в другом.

Воровские законы соблюдались и соблюдаются беспрекословно и более четко, чем государственные, хотя, конечно, могут быть исключения. Воры знают: один неверный, нарушающий закон шаг – и ты уже не жилец на свете.

В бывшем СССР воров в законе было несколько сотен, среди них большая часть в процентном отношении – представители южных республик, в основном Грузии.

С расшатыванием прежних экономических основ жизни общества и с появлением новых способов получения денег стало вырисовываться новое понятие – криминальный авто-

ритет.

Чем он отличается от вора в законе?

Ну хотя бы тем, что звание вора в законе дает воровская сходка, а криминальный авторитет – это скорее милицейский термин, который отражает большое влияние того или иного человека на криминальные и криминогенные события, происходящие в обществе.

Далее, вор в законе обязательно должен был за свою жизнь намотать хоть один срок, а преступные авторитеты достаточно часто вообще не имеют судимостей. (Напомним: не каждый, отсидевший пятнадцать – двадцать лет в тюрьме, мог стать вором в законе, для получения этого звания должны быть более веские основания, о чем сказано выше.)

Криминальный авторитет может вообще не признавать воровской кодекс, это отнюдь не умаляет его остальных достоинств.

Так, многие авторитеты полностью отделены от реального исполнения дел, которые можно назвать криминальными, и занимаются только процессом управления. Таким образом, криминальный авторитет в равной степени может быть и отсидевшим свое квартирным вором, и бывшим спортсменом, получившим срок за рэкет, и народным депутатом, и министром.

Если количество денег не сказывается на влиятельности вора в законе, то значимость криминального авторитета часто прямо пропорциональна его материальному благососто-

нению и связям в обществе.

Звание вора в законе можно получить и нести его до конца своих дней, только соблюдая принципы воровского закона. Вес криминального авторитета может падать и подниматься после каждого его поступка (в преступной среде и за ее пределами), как температура у хронически больного.

Поясню на конкретном примере, известном многим российским читателям. Вячеслав Иванов (Япончик) – вор в законе, а Отари Квантришвили (Отарик) был криминальным авторитетом.

Обратимся к Украине. Часто мелькающие в милицейских сводках и прессе фамилии и клички – Владимир Кисель (Кисель), Игорь Ткаченко (Череп), Борис Савлохов (Солоха), Игорь Фадеев (Москва) – принадлежат, согласно милицейской терминологии, криминальным авторитетам, но ни один из них не был воров в законе. Более того, многие из них не придерживались, не придерживаются и не считают нужным придерживаться воровских принципов и открыто заявляли об этом. Некоторые из них даже и не считают себя криминальными авторитетами, хотя от слова «авторитет» предпочитают не отказываться.

Куда же смотрят правоохранительные органы? Как они мирятся с наличием воров в законе и криминальных авторитетов в нашей стране? Может, их вообще не выпускать из зоны? Может, это единственный способ снижения роста преступности в государстве?

Собирая материал для этой книги, я нашла две абсолютно полярные точки зрения: от убеждения, что их нужно уничтожать в зародыше, до утверждения, что именно их наличие сдержало рост неорганизованной преступности в период перестройки и гласности.

Одно бесспорно: перестройка, гласность, демократизация, а потом и распад СССР, новые формы хозяйственной деятельности, колебания курса рубля, укрепление доллара на внутренних рынках бывших социалистических стран – все это оказало огромное влияние на само понятие «криминальный мир» и на правила его функционирования. Изменилось и наше понимание преступности.

Что это значит? Уже упоминавшийся российский вор в законе Вячеслав Иваньков получил этот титул еще во время СССР. После выхода из тюрьмы в новых политических и экономических условиях он создал мощнейшую структуру, которая обслуживала предпринимателей и чиновников. Система, основанная Иваньковым, занималась возвратом долгов, защитой от бандитов, а впоследствии и закрытий проблем, связанных с проверками правоохранительных органов. Через небольшой промежуток времени структура Иванькова, предоставляющая различные услуги в этой области, имела влияние не только на предпринимателей, но и на государственные органы власти.

Если мы поднимем прессу, которая в разное время сообщала читателям о такой личности, как Иваньков, и всех

его действиях, несущих угрозу всему живму, то перед нами предстанет человек- зверь, дикарь, место которому только на зоне.

Он оставил после себя кровавые следы от Риги до Свердловска, от Казани до Москвы...

«Убить – что закурить», – говаривал Япончик.

Он насто увозил в лес должников и подвергал их пыткам – неоднократно писалось в газетах.

Но вот что примечательно. Согласно данным РУОПа Вячеслав Иваньков за свою громкую преступную карьеру сидел всего два раза: за пользование фальшивыми документами и за незаконное ношение оружия. И только в 1981 году его умудрились взять с поличным, осудили за бандитизм и приговорили к 14 годам тюрьмы.

Кажется, правда восторжествовала, преступник занял свое место в тюрьме и, как полагается, отсидел долгих десять лет. Самое интересное в этой истории состоит в том, что сразу после того, как дверь тюрьмы за ним закрылась, вереница людей, просящих о снисхождении к отпетому уголовнику, обивала пороги Верховного суда России. И что еще впечатляет: то были не его родственники, а достаточно известные люди, которыми Россия может гордиться. Например, офтальмолог и предприниматель Святослав Федоров, знаменитый певец Иосиф Кобзон, борец за права человека и давний друг Андрея Сахарова Сергей Ковалев. Список можно продолжить.

Один из известных в Москве людей Отари Квантришвили, который, по небезосновательным слухам, достаточно долго поддерживал бизнес Вячеслава Иванькова в России, в 1993 году сказал: «Вячеслав Кириллович – один из честнейших людей. Не в пример теперешним мерзавцам. По крайней мере, он не грабил страну и не был государственным преступником. Если он был преступником, то он был уголовным преступником, а уголовные преступники теперь ничто перед государственными преступниками, которые разорили Россию и строят себе дома во Флориде». (Цитирую по книге Павла Хлебникова «Крестный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России», с. 22—23.)

Сходную точку зрения мы можем прочесть в книге Юргена Ротта «Олигарх» (с.205): «В Риге, столице Латвии, английский журналист Ник Гордон услышал от одного вора в законе: «Самой сильной мафией является наше правительство. Это настоящие крупные воры. Нашего президента мы видим как барабанщика государственного оркестра, а его заместителя – как начальника комиссии по отмыванию денег. Мы платили им, чтобы они били в барабаны и отмывали наши дела, а теперь они во всем обвиняют нас».

Вышеперечисленные люди, кроме Отари Квантришвили, просящие за Иванькова, имеют свою позицию, их не запугали и не дали по тысяче долларов за подпись в прошении о судьбе жестокого убийцы, вора в законе по кличке Япон-

чик. Они действовали совершенно сознательно, давая свою собственную оценку действиям гражданина России Вячеслава Иванькова, которая разительным образом расходилась с приговором суда.

Мне, конечно, могут возразить, что завтра кто-то будет просить помиловать Чикатило. Ответ напрашивается сам собой: за Чикатило известные люди страны не просили. А вот за Иванькова просили. И благодаря множеству ходатайств Верховный суд России сократил ему срок. Не досидев четыре года, он в 1991 году был освобожден и в 1992 году уехал в США.

Может быть, Иваньков – исключение? Пролистав газетные вырезки о криминальной России, мы можем ответить, что, конечно, Иваньков неповторим. Но давайте посмотрим на лидера солнцевской группировки Сергея Михайлова (Михась). У него и Иванькова много общего, хотя различия тоже имеют место. И различия эти порождены временем.

Свои деяния Сергей Михайлов начал в середине 80-х годов. Бывший официант и картежник, Михайлов открыл сеть спортивных клубов, где за небольшую плату никому не нужная молодежь качает мышцы и зачитывается литературой по бодибилдингу. А спустя некоторое время Михайлов дает молодым парням возможность заработать, контролируя торговые точки.

Михайлов становится лидером солнцевской группировки и сразу же попадает на учет в милицию. В 1989 году он ока-

зывается в тюрьме – по той же статье, что и Иваньков: УК 69 «Бандитизм», и выходит на свободу в 1991 году.

Вором в законе Сергей Михайлов никогда не был, смею предположить, что и не хотел им быть. Просто он начал свое дело именно в тот период, когда разница между предпринимателем и уголовником была минимальна.

В интервью у Сергея Михайлова спрашивают: что такое солнцевская группировка? Он отвечает, что не знает, и правильно делает, можем сказать мы. Михайлов считает, что он занимается бизнесом и государство должно по крайней мере не мешать ему в этом. Государство не может его ни от чего защитить, вот он и держит хорошо тренированных молодых людей, которые блюдут его интересы. А понятие «солнцевская группировка» – это всего лишь ярлык, прикрепленный милицией к части его деятельности, и не больше...

При первой криминальной проблеме, связанной с Михайловым, количество людей, просящих за него, было не меньше, чем в случае с Иваньковым. Но самым показательным стало задержание Михайлова в Швейцарии по подозрению в отмывании денег и организации преступной группировки.

На Сергее Михайлове, как и на многих других, ярлык особо опасных преступников был так надежно подвешен, что швейцарская прокуратура с нетерпением ждала передачи досье на него из Прокуратуры России, чтобы именно на этих материалах построить обвинение. Напрасно ждали законопослушные граждане Западной Европы, напрасно надеялись

швейцарские следователи, желавшие выполнить миссию санитаров и спасти демократическую Россию от преступника. Российская Прокуратура стойчески выдержала это давление. Из ее недр ничего чернящего Сергея Михайлова не поступило.

Из этого мы, простые граждане, можем сделать два вывода: либо у нее не было ничего такого, чем можно испугать швейцарских законников, либо в Российской Прокуратуре не захотели передавать иностранцам материалы, которые определенным образом будут характеризовать деятельность не только Михайлова, но и российской правоохранительной системы. Складывается впечатление, что российские структуры охраны правопорядка решили действовать по отношению к Михайлову подобно Тарасу Бульбе, заявившему младшему своему сыну Андрию: «Я тебе породив, я тебе і вб'ю».

Через некоторое время – еще одна новость: задержан Павел Бородин, тоже по подозрению в причастности к отмыванию денег.

После этого для меня как человека, достаточно далекого от процесса отмывания денег, разница между государственным чиновником высочайшего уровня Бородиным и лидером организованной преступной группировки Михайловым свелась почти на нет.

Так как данная книга об Украине, точнее – о Киеве, примеры из московской жизни мы приводим только для того,

чтобы подчеркнуть интернациональный характер процессов, происходящих в среде под названием «криминальный мир». Нельзя не заметить, что в период стихийного накопления капитала на постсоветском пространстве после развала Союза деньги криминальных авторитетов, известных предпринимателей и крупных государственных чиновников достаточно часто переплетались. Подобное сращивание, переплетение имеет место и в Украине. Во всяком случае, это не исключено.

В поисках ответа на вопрос, почему Святослав Федоров обивал высокие пороги ради кровожадного Япончика, я прочитала, что их деньги переплелись в двух больших московских гостиницах и в казино «Ройял». По всей вероятности, за годы их сотрудничества Иваньков был ему честным партнером. Надо отдать должное Федорову, который не побоялся, что его обвинят в связях с Япончиком. А капиталы Отари Квантришвили переплелись в крупном рекламном предприятии, можно сказать, с деньгами представителей политической элиты Российского государства и даже некоторых членов правительства. Но, возможно, все это только пустые разговоры. Их нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть, ибо, как часто бывает на практике, регистрация бизнесов оформляется на подставных лиц или на иностранные компании.

Образ Отарика, сложившийся в Москве, напоминал этакого крестного отца мафии. Он улаживал самые сложные проблемы, возникающие вопросы между различными вет-

виями криминальных группировок. Он занимался благотворительной деятельностью в период безразличного отношения государства как к престарелым ветеранам спорта, так и к подрастающему поколению. В одном из его интервью можно прочитать: «Очень много у нас развелось педерастов и наркоманов, а спорт – это единственное средство сохранить нацию. Вот я строю детские спортивные школы и прививаю любовь к спорту, для того чтобы отвлечь от наркомании. Вот моя основная задача – сохранить генофонд нации. А бандитам я не плачу, наоборот, они платят мне».

Выражение «платить бандитам» я услышала с первых дней работы в бизнесе. На первых порах реформ пропитанные коммунистическими идеями мозги советского народа не понимали и не хотели понимать разницы между понятиями «бизнесмен» и «бандит». Что ж, оба начинаются на б...

Однако я, принадлежа к прослойке людей, занимающихся бизнесом, различие между собой и некими персонами, приходящими в мой офис в спортивных костюмах и толстых золотых цепях, хорошо знала. Владельцы растущих как грибы мелких торговых частных предприятий в начале 90-х годов, зарабатывавшие копейки на экспорте и импорте, до ужаса боялись сборщиков дани с невыразительными лицами и низкими лбами.

- Под кем работаете?
- Под Москвой...
- Понятно, выясним.

Такой короткий, но весьма многозначительный разговор мог кого хотите лишить сна.

Москва, Савлохов, Череп, Кисель, Вата... Эти имена звучали, как пароли, в разных слоях киевлян на протяжении долгих лет.

За восемь лет работы совладельцем и директором крупного импортного предприятия мне не пришлось платить дань тем, кого называют бандитами. Но, оглядываясь назад, я не произношу эту фразу с некой особой гордостью. Просто обычная констатация факта, но сегодня она дает мне моральное право иметь и излагать свою точку зрения на процесс криминализации Украины. Добавлю больше: до написания этой книги мне не довелось близко познакомиться ни с одним из людей, чьи фамилии были у всех на слуху и неизменно внушали страх. Но почти регулярно, примерно раз в полгода, какой-то новый обследователь территорий заходил в офис и предлагал свои услуги по защите. Позднее он не только обещал защищать от «наездов», но рассказывал, что на средства, полученные от коммерсантов, они занимаются благотворительностью, помогают детским домам.

К 1995 году они заходили все реже, зато уже в 94-м ко мне явился сотрудник правоохранительных органов и пообещал создать хорошую «крышу»! Сотрудник был мелкий, а «крышу» предлагал большую, и платить за нее надо было как минимум в пять раз больше, чем парню в спортивной форме.

Но, с другой стороны, это понятно, надо же как-то поддер-

живать силовой государственный аппарат. До сих пор помню его предложение. «Зачем вам платить бандитам (он думал, что мы платим), надо гнать в шею этих паразитов. Лучше платить нам, мы защитим и от наездов бандюков, и от нечистоплотных сотрудников правоохранительных органов», – убеждал меня этот особо чистоплотный сотрудник доблестной правоохранительной системы.

После 1995 года подобные предложения поступали достаточно часто, и слово «крыша» уже не обозначало необходимость платить дань тем, кого мы называем бандитами. Чаще оно понималось как сотрудничество с милицией или службой безопасности, реже – но это тоже имело место – с прокуратурой. Надо отдать им должное: если бандиты предлагали в основном защиту от «наездов» своих коллег и возврат долгов, то некоторые из особо одаренных защитников правопорядка красочно расписывали возможные официальные проверки, которых ты сам сможешь избежать, но которые способны надолго заблокировать работу твоих конкурентов.

Перед моими глазами проходили милиционеры, сотрудники службы безопасности, вечно на шифре, каждый из них что-то предлагал, о чем-то просил. Молодые и постарше, худые и полные, женатые и холостые, они через какое-то время по манере вести разговор перестали отличаться от парней в спортивных костюмах и с внушительными цепями на шее. Одни и те же услуги и почти одинаковые методы. Какая разница, в чьих руках автомат, под дулом которого ты лежишь,

уткнувшись лицом в лужу?

Меня заинтересовал вопрос: во многих ли странах существовала и существует организованная преступность наподобие наших «бандитов» разной природы происхождения? Да, практически все страны имеют свой криминальный мир, свой криминальный бизнес, и многие из форм и методов отечественной организованной преступности поистине интернациональны. Этот мир можно уменьшить, ограничить его влияние, но искоренить практически невозможно, как невозможно, чтобы каждый человек выполнял все библейские заповеди. Однако чем цивилизованнее государственная система, чем успешнее контролируются общественностью действия чиновников на ключевых постах государственной службы, чем прозрачнее операции с государственными средствами, тем уровень криминализации страны ниже.

Как часто криминальный мир срастается с государством в других странах? Как плюс и минус, они всегда будут тянуться друг к другу вне зависимости от экономического уклада и политического устройства. С этим явлением надо бороться, и многие страны стремятся усовершенствовать законодательство с тем, чтобы криминальный мир, который окончательно побороть нельзя, не переносил свои методы работы на государственный аппарат и не сращивался с последним.

Но как могло случиться, что в середине 90-х годов государственная система в нашей стране переняла методы орга-

низованной преступности? И сразу же хочется задать следующий вопрос: неужели это только в Украине?

На мой взгляд, основная причина разветвления криминального мира и сращивания его с различными ветвями государственной власти в Украине имеет абсолютно объективный характер. Любое тоталитарное государство, а СССР таковым и являлся, воспитало не одно поколение людей, делящихся на касты. Что разрешено одной касте, то запрещено другой. Кроме того, тоталитаризм успешнее всего держится именно на бандитских методах: запугивание и истребление инакомыслящих возводятся в ранг государственной политики. Служба безопасности, идеологические отделы, милиция, бесчисленные комитеты в основном работали на то, чтобы сделать из народа удобную для власти биомассу.

В период распада СССР власть правительства начала разрушаться, как дома при землетрясении, но отдельные стены в виде комитетов, главков сохранили свое управление материально-технической базой, которая должна была работать и приносить деньги. А для того чтобы она работала, необходимы не только коммерческие структуры, суды и милиция, но и бандиты, которые тоже должны были заставлять людей выполнять свои обязанности и обязательства. В такие моменты времени – или, точнее, безвременья – и происходит сращивание госаппарата с организованной преступностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.